

УДК 330.101.541

Макроэкономическая нестабильность переходной экономики: закономерность или следствие волюнтаристских реформ народного хозяйства?

Б.В.СОРВИРОВ

В макроэкономической сфере наиболее важным моментом является зависимость меры сбалансированности экономики и темпов ее роста (спада) от двух ключевых параметров: исходного макроэкономического состояния системы и характера проводимых реформ – их радикальности, направленности и т.д. Здесь прослеживается следующая взаимообусловленность: в той мере, в какой предшествующую «экономике дефицита» с характерной для нее громоздкой структурой, специфическими типами предприятий, диспропорциями и внеэкономическими методами (административным сломом системы макроэкономического планирования и т.п.) подгоняют при помощи указов под модель где «свободного рынка», а где «социального рынка», в этой мере для переходной экономики становятся характерными:

- 1) нарастание технико-экономических диспропорций: массовая недогрузка производственных мощностей, деградация индустриального сектора, а далее – деиндустриализация экономики, рост потерь и все более интенсивное использование ресурсов, «проедание» основного капитала;
- 2) снижение склонности к сбережениям (в первую очередь у институциональных субъектов). Вкупе с названными уже факторами, обуславливающими приоритет краткосрочной активности, это ведет к снижению инвестиций, прежде всего производственного характера, и вложений в социальное развитие – в науку и образование, культуру, здравоохранение;
- 3) все более интенсивное использование рабочей силы при общей тенденции к ухудшению ее качества и регрессу структуры, нарастанию негативных социально-демографических процессов – снижению продолжительности жизни, ускоренному старению населения;
- 4) нарастание экологической напряженности и снижение качества жизни и как следствие – обострение социокультурных и социально-политических проблем.

Безусловно, данная взаимосвязь не абсолютна. Она «функционирует» лишь в определенной мере, как и все, собственно говоря, закономерности переходной экономики. Кроме того, она сталкивается и с рядом контртенденций. Важнейшими среди них являются, с одной стороны, инерционность экономической системы, которая во многом просто не поддается внеэкономическим преобразованиям: законы не исполняются, приказы саботируются. Сюда же относится и устойчивость корпоративно-номенклатурных крупных хозяйственных систем, отчасти способных игнорировать централизованно проводимые реформы, противопоставляя институциональной, экономической и правовой власти государства свою в какой-то степени аналогичную власть и способность к локальному регулированию. С другой стороны, происходит спонтанное саморазвитие рыночных отношений и частного капитала как на границах, так и внутри этой корпоративной системы.

Последняя тенденция, соединившись в свое время с «шоковыми» реформами, проводимыми Т. Гайдаром, обеспечила экстенсивное и интенсивное развитие транзакционного сектора, и прежде всего торговли, финансов, операций с недвижимостью, экспортно-импортных операций и иной бывшей «периферии» экономической жизни, постепенно все более превратившейся в центр деловой активности переходных хозяйственных систем.

Однако эти контртенденции не отменяют общей макроэкономической тенденции: при

прочих равных условиях экономический спад и ухудшение качества жизни в процессе реформ тем больше, чем 1) интенсивнее предшествующее развитие командной экономики; 2) слабее институционально-политическая система; 3) выше социальные, культурные, этнические особенности данного народа по сравнению со стандартом homo economicus; 4) радикальнее «шоковые» реформы.

Конкретизируем рассмотренную выше общую макроэкономическую закономерность переходной экономики.

Для переходной экономики типичным становится трансформация «экономики дефицита товаров» в «экономику дефицита ликвидных ресурсов». На место денежной системы, порождавшей перманентный дефицит товаров, пришла новая система переходного свойства. Для нее типична не только традиционная погоня за деньгами как универсальным ликвидным ресурсом, но и характерен перманентный недостаток ликвидных ресурсов по отношению к массе товаров и имеющимся производственным мощностям.

Вместе с тем перманентный дефицит ликвидных ресурсов не может быть компенсирован эмиссией, поскольку последняя не восстанавливает сбалансированности товарной и денежной массы. Прирост эмиссии вызывает инфляционное обесценение всей денежной массы, что может быть предотвращено только в условиях растущей экономики, поглощающей добавочные деньги и инвестирующей их в немедленное расширение предложения товаров. Кроме того, в специфических условиях большинства стран с переходной экономикой, как показывает практика, почти весь прирост эмиссии уходит в неконтролируемый наличный оборот, что не ведет к пополнению оборотных средств предприятий, а лишь подогревает инфляцию на розничном рынке и в коммерческой оптовой торговле.

Внешне такая ситуация выглядит как непрерывное сужение внутреннего рынка, падение эффективного спроса и нарастание кризиса сбыта. Парадоксальным образом этот кризис сочетается с процветанием транзакционного сектора. Хотя по сравнению с реальным производством опережающий рост транзакционного сектора, и в особенности краткосрочных операций на финансовом и фондовом рынках, является закономерностью современного мирового хозяйства, в переходной экономике эта закономерность приобретает гипертрофированные формы.

Причиной дефицита ликвидных ресурсов в конечном счете является своеобразный «дефицит рынка». Этот феномен еще можно квалифицировать как недостаточное развитие «товарности» производства (т.е. превращение предприятий в обособленных хозяйствующих субъектов), а также существенное отставание в развитии рыночной инфраструктуры, институтов и т.п. от объемов все еще сохраняющегося производства и обращения средств производства. В сфере розничной торговли, экспорта-импорта, транзакций с финансами и недвижимостью товарные отношения с качественной стороны также развиты слабо (но не слабее, чем в производстве). В силу этой качественной «недоразвитости», с одной стороны, и крайней невыгодности спекулятивных операций — с другой, транзакционный сектор количественно переразвит по отношению к производству реальных благ.

В результате дефицит ликвидных ресурсов не позволяет в полной мере использовать производственные мощности, что интенсифицирует спад, свертывание инвестиций и «продажу» основных фондов. В противоположность этому чрезмерное развитие товарного обмена в области транзакций (например, с финансами) по сравнению с производством становится одним из инфляционных факторов, увеличивающим транзакционные издержки.

Таким образом, диспропорциональный экономический спад является закономерностью в той мере, в какой в экономике с сохраняющимися «социалистической» структурой и типами воспроизводства административно внедряется рынок, что приводит к корпоративной конкуренции и локальному регулированию, вызывающим нарастание диспропорций и их монополистическую консервацию, а также к перманентному дефициту ликвидных ресурсов в производственной сфере, который порождает, в свою очередь, недоиспользование производственных мощностей и отток инвестиций в транзакционный сектор.

Такого рода экономический спад в большинстве моделей переходной экономики со-

единяется с инфляцией, порождая стагфляцию как устойчивую характеристику переходной экономики. Сама по себе инфляция в переходной экономике лишь на поверхности явлений порождается собственно монетарными факторами. Главные причины высокой инфляции связаны, как видится, со следующими группами факторов:

Во-первых, с инерцией предшествующей хозяйственной системы, где к моменту ее самораспада была высокая скрытая инфляция, особенно значительная в сфере безналичных денег. Снятие барьера на пути их обналаживания инициировало первый виток инфляции.

Во-вторых, со специфическими факторами переходной экономики. Доминирование корпоративно-бюрократической власти и локального контроля стало главной социально-экономической основой высокой инфляции издержек и раскручивания инфляционной спирали. Так, господство в псевдорыночной среде монополий порождает как возможность прямого взвинчивания цен монополистами, так и нечувствительность квазирынка к традиционным монетарным регуляторам. Кроме того, господство корпоративного содержания собственности и инерция государственного патернализма делают предприятия малочувствительными к формально вводимым в переходной экономике «жестким бюджетным ограничениям».

В-третьих, «шоковая модель», предполагавшая административные разовые меры по либерализации цен и слому протекционистских барьеров, мультиплицировала имевшиеся предпосылки инфляции в той мере, в какой в экономике существовали и существуют дефицит ликвидных ресурсов и диспропорции в ценах.

В-четвертых, влияние неэкономических факторов (прежде всего – конъюнктурно-политических) на экономику сказывается самым существенным образом и на инфляции: популизм властей (особенно в период предвыборных баталий) оказывается одним из важнейших факторов раздувания инфляции спроса.

Как видим, названные причины имеют по преимуществу немонетарную основу. Отсюда антиинфляционное регулирование, ориентированное на чисто монетарные методы, будет либо неэффективным, либо элиминирующим следствия, но не причины инфляции.

Устойчивые инфляционные тенденции, порождаемые в переходной экономике прежде всего социально-экономическими (монополизм как господствующий тип аллокации ресурсов, корпоративно-бюрократическое содержание собственности и т.п.) и институционально-политическими, а не собственно рыночными факторами, оказывают в силу этого слабое стимулирующее воздействие на расширение экономической активности, но, в свою очередь, активно интенсифицируют спад вследствие обесценения накоплений и других факторов.

В конечном итоге одни и те же причины порождают в переходной экономике и спад, и инфляцию, вызывая к жизни феномен стагфляционной «ловушки». В переходной экономике действует не только принцип взаимопогашения инфляции и спада, как в «нормальной» рыночной экономике, но и принцип их взаимной дополняемости.

При этом речь идет не просто о стагфляции как феномене соединения спада с инфляцией. В переходной экономике оба эти фактора стагфляции взаимно обуславливают и усиливают друг друга. Дефляционная политика, сжимая спрос, не обеспечивает адекватного снижения уровня инфляции, а влечет существенное углубление спада, делающее невозможным дальнейшее продолжение дефляционной политики. Возникает вопрос: при каких же условиях стагфляция может превратиться в стагфляционную «ловушку»?

В переходной экономике стагфляционная «ловушка» возникает в случаях, когда:

- 1) регулирующая сила государства и саморегулирование рынка оказываются слабее корпоративно-бюрократического регулирования в экономике;
- 2) еще не сложилась или значительно ослаблена институциональная структура государства и рынка;
- 3) в экономике сохраняются существенные «родимые пятна» командно-административной системы: значительная глубина диспропорций, нерыночные стереотипы поведения экономических субъектов, сильные позиции бюрократии в экономике и т.п.

Глубина stagflationной «ловушки» и скорость выхода из нее зависят как от интенсивности уже упомянутых факторов, так и в значительной степени от неэкономических факторов. Среди последних немаловажную роль играют наличие продуманной стратегии трансформационных реформ и последовательность в проведении избранной экономической политики. Выход из этого положения в переходной экономике обеспечивается самим трансформационным процессом. Поэтому скорость и способ этого выхода, «цена», которую общество платит за это, зависят от избранной стратегии перехода. Безусловно, предлагаемые ниже варианты не являются в полной мере альтернативными и граница между ними довольно условна.

Первый вариант выхода из создавшегося сложного положения — за счет ослабления роли корпоративно-бюрократического регулирования и, как следствие этого, укрепления прежде всего механизмов рыночного саморегулирования. Такой путь может обеспечиваться жестким проведением курса на глубокую либерализацию народного хозяйства. Такой вариант называют «шоковой терапией». Однако в некоторых случаях этот вариант может дополняться и смягчаться формированием эффективных социальных рамок рыночной экономики.

Второй вариант выхода может быть осуществлен за счет преимущественного усиления социальных и государственных механизмов регулирования трансформируемого хозяйства, но только при условии сужения возможностей для автономного действия корпоративно-бюрократического регулирования.

Оба варианта предполагают не только обеспечение эффективного функционирования институциональной и правовой структур общества, но и политической стабильности. Различаются же они как удельным весом различных способов регулирования рынка, так и социальной ценой, которая платится за выход из stagflationной «ловушки».

Первый вариант, как мы знаем, неизбежно сопряжен со скачком в уровне безработицы и с падением реальной заработной платы. При этом высокий уровень безработицы и низкий уровень заработной платы сохраняются некоторое время и после выхода из «ловушки». Вместе с этим происходит и снижение других показателей социального и культурного развития общества. Второй вариант влечет за собой те же последствия, но в «смягченном» виде, за счет более широкого использования элементов государственного патернализма в социальной политике.

Скорость выхода из stagflationной «ловушки» зависит не столько от выбора одного из этих двух вариантов, сколько от других предпосылок. Этот выход происходит тем быстрее, чем меньше диффузия институтов, стабильнее политическая система, слабее социальные противоречия, ближе «дореформенная» экономика стандартам рыночного хозяйства.

Без этих предпосылок реализация первого варианта может привести к глубокой деградации экономики, не ускоряя выхода из «ловушки». Безусловно, непременным условием быстрого выхода из рассмотренного положения при этих предпосылках являются, во-первых, эффективная политика содействия становлению механизмов современного рыночного саморегулирования, обеспечивающего «запуск» механизма традиционного капиталистического цикла, и, во-вторых, обеспечение институционально-политической стабильности. Следует также заметить, что все это становится возможным при своевременной смене установки на либерализационный шок более активной и социально ответственной политикой государственного регулирования. Этому, кстати, соответствует политический переход власти от праворадикальных группировок к левой оппозиции или центристам, чьи цели находятся в русле такой политики.

Быстрый выход из stagflationной «ловушки», не обусловленный большими социальными издержками, может быть осуществлен и через «включение» социальной энергии трудящегося большинства населения на основе создания механизмов реального участия в собственности и в управлении. Этот выход происходит тем медленнее, чем слабее развиты предпосылки перехода к рыночному хозяйству, более фрагментарно и непоследовательно происходит формирование механизмов рыночного саморегулирования и/или социально-государственного регулирования, сильнее институционально-политическая нестабиль-

ность и т.п.

Таким образом, подытоживая результаты краткого анализа макроэкономических закономерностей переходной экономики, можно заключить, что в той мере, в какой действуют последние (диспропорциональный спад вкупе с инфляцией и дефицитом ликвидных ресурсов в сфере производства при «накачке» ресурсов в сферу торговли, финансов, операций с недвижимостью и т.п.), в переходной экономике наблюдается как минимум относительный рост трансакционных издержек, а в определенных точках времени экономического пространства – абсолютный рост. Этот рост тем интенсивнее, чем менее управляемым и более волюнтаристским, то есть осуществляемым административными методами без достаточных социально-экономических и институциональных предпосылок, является переход к рынку.

Обоснование этой ситуации кратко можно проследить через ряд взаимосвязей: 1) неуправляемые волюнтаристские реформы – возрастание экстерналий – снижение спецификации прав собственности и рост диффузии институтов – интенсификация потока экстерналий – рост трансакционных издержек; 2) «шок» в условиях монополизма и корпоративной собственности – стагфляционная «ловушка» – свертывание производства и экспансия посреднической деятельности – рост трансакционных издержек. Рост трансакционных издержек ложится дополнительным бременем на и без того кризисную экономику, снижая эффективность использования сокращающихся ресурсов и интенсифицируя спад, который провоцирует инфляцию. Последняя тоже интенсифицирует рост трансакционного сектора, вызывающего необходимость финансирования не только конечного результата, но и все возрастающей посреднической деятельности. Результат – углубление стагфляционной «ловушки».

Развитие трансакционного сектора не столько оборачивается формированием коммерческой инфраструктуры, призванной обеспечить эффективное функционирование рынка, сколько превращается в самодовлеющий процесс, происходящий на фоне падающей эффективности экономики, а отчасти и содействующий этому падению, отвлекая на себя все новые и новые ресурсы.

В свою очередь, нарастание инфляционного спада в производстве и потреблении большинства населения в условиях параллельного роста и процветания посреднического сектора углубляет асоциальность экономики. Это порождает нарастание социальной напряженности, конфликтности в обществе, что также еще больше углубляет неуправляемость трансформационного процесса и, как следствие, экономический спад и инфляцию. Общество с переходной экономикой попадает в «воронку» системного социально-экономического кризиса, которая затягивает его тем глубже, чем сильнее базисные причины кризиса: номенклатурно-корпоративный тип отчуждения работника от средств производства, асоциальный курс реформ и неуправляемое волюнтаристское внедрение рынка в условиях господства локального бюрократического контроля. В условиях действия этих факторов предпосылки кризиса, сложившиеся в рамках прежней старой системы, в основном не преодолеваются, а, напротив, усугубляются.

Выход переходной экономики из этого системного кризиса возможен по следующим основным направлениям:

- 1) углубление рыночных реформ на основе активного формирования эффективных социальных гарантий с целью преодоления корпоративно-бюрократического типа складывающегося постсоциалистического общества;
- 2) отказ от радикальных реформ с целью замораживания корпоративно-патерналистской модели переходной экономики;
- 3) качественное изменение содержания трансформационного процесса с целью преодоления отчуждения работника от собственности и перехода к социально ориентированной, программируемой смешанной экономике – «экономике для человека».

Первое направление обеспечивает выход из системного кризиса за счет существенного перераспределения богатства в пользу новой элиты и обнищания большинства населения. К тому же этот вариант применим лишь при наличии названных выше предпосылок быстрого выхода из стагфляционной «ловушки». Второе направление лишь затягивает принятие

решения. Третье – наиболее оптимально.

Поскольку нашей задачей не является анализ перспектив переходной экономики и написание рецептов лечения ее болезней (этим уже достаточно много и не раз занимались), постольку возникает необходимость кратко остановиться на некоторых моментах трансформации национального хозяйства с позиции функционирования институтов.

В целом закономерностью переходной экономики является, с одной стороны, диффузия институтов – размытость, неопределенность институциональных рамок рынка, нарушение взаимодействия различных институтов, с другой стороны, низкая роль правового регулирования экономики – способность экономических субъектов осуществлять деловую активность в массовых масштабах, не соблюдая правовых норм.

В результате в переходной экономике, во-первых, складывается “теневой” сектор, сравнимый по своим масштабам с легальным. Это прежде всего оборот товаров вне налогового и иного контроля (контрабанда, например), нелегальное движение капиталов, антиправовая деятельность (коррупция, рэкет, запрещенные промыслы и т.д.). Во-вторых, вследствие диффузии и нестабильности институтов, правовой базы граница между этими двумя секторами размыта на всех уровнях.

Социально-экономический кризис переходного общества вызывает эту диффузию и одновременно углубляется ею. Поэтому преодоление институционально-правового кризиса в принципе возможно за счет:

- 1) устранения глубинных причин, вызывающих системный кризис;
- 2) развития массового социального творчества;
- 3) достижения национального согласия социально-политических сил по поводу одного из сценариев замораживания и постепенного преодоления кризиса.

Следует отметить, что в переходной экономике прослеживается достаточно устойчивая закономерность: чем выше диффузия институтов и ниже регулирующая роль права, тем глубже социально-экономический кризис. При этом роль и влияние институтов и, подчеркнем особо, их диффузии на экономическую динамику тем больше, чем радикальнее преобразования и чем выше роль сознательного регулирования в аллокации ресурсов, воспроизводстве и т.д. Для экономики, в которой сознательное регулирование доминирует над рыночным саморегулированием, качество институтов имеет определяющее значение. Одни и те же макроэкономические шаги и программы в регулируемой сфере могут инициировать экономический рост при условии стабильности и относительной качественности институциональной и правовой систем и, наоборот, экономический кризис – в условиях диффузии институтов.

В любом случае, поскольку экономика является неустойчивой, массовое социально-политическое согласие не достигнуто, в переходном обществе складывается прямая зависимость качества институциональной системы (а опосредованно и экономическая динамика) от расстановки социально-политических сил, национальной и геополитической ситуации, идеологических и социокультурных факторов. В целом диффузия институтов и правовой хаос оказываются тем выше, чем в большей степени была развита бюрократическая система прошлого, чем ниже уровень самоорганизации и выше конформизм масс, чем в большей степени «новая элита» сращена с коррумпированным чиновничеством и «теневой» экономикой [2].

В этой связи при выработке концептуальных основ преодоления переходного кризиса весьма важно оценить процессы трансформации народного хозяйства именно с позиции институциональной динамики.

Abstract

Is macroeconomic instability of transitional economy a rule or a consequence forcible factors of national economy?

The article analyses regularities of macroeconomic instability of national economy of transitional type, evaluates basic traits and tendencies of transitional economy and proposes main ways out of the system economic crisis.

Литература

1. См.: H.Magdoff, P.Sweezy. *Stagnation and the Financial Explosion*. N.Y.: Monthly Review Press, 1987.
2. Концептуальные проблемы трансформации экономических систем / М.В.Научитель, В.К. Драчев, Б.В. Сорвилов и др. – М.: Правовая экономика, 1999. С. 85.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступило 01.09.2000

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ имени Ф.Скорины